

Анатолий Михайлов

ПОСЛЕДНИЙ МАСТЕР

"Хочу шептать любому на
ухо
слова давнишнего прибоя,
а не хочу закрыться
наглухо
и пренебречь судьбой
любом."

В.Шаламов

Я вытащил из кармана квитанцию и пробежался глазами по кнопкам. Как-то все-таки странно. Неужели в адресном столе ошиблись? А может я перепутал номер дома. Надо спуститься вниз и ~~пронестишь~~ проверить.

Оказывается, не перепутал.

Вернувшись обратно, я еще раз перечитал все фамилии и, прежде чем позвонить, задумался.

У каждого человека, если у него нет отдельной жилплощади, среди наклеенных с фамилиями полосок должна радовать глаз, хотя бы своя персональная кнопка. А здесь, мало того, что коммуналка. Еще и без опознавательного знака.

Придется звонить наугад - кто-нибудь да откроет.

С той стороны спросили:

- Кто там? - спрашивала женщина.

Я сказал:

- Простите... Здесь живет Варлам Тихонович Шаламов?

За дверью ничего не ответили. Я стоял и ждал...

Я решил нажать на другую кнопку, может, другая окажется поудачливее, но в это время звякнула цепочка, и за спиной у женщины я увидел старика. Он двигался из глубины коридора какой-то непонятной поступью.

- К вам пришли! - повернувшись на шаги, резко выкрикнула

женщина, и я заметил, что каждая выходящая в коридор дверь при этом выкрике приоткрылась и каждая со своим косяком обрезала щель, из которой кто-то выглядывал.

Нет, наверно, мне все это померещилось. И это совсем не Варлам Тихонович. Просто я не туда попал. Но Варлам Тихонович приблизился и не оставил мне никакого шанса.

(Недавно в журнале "Юность" я прочитал про Варлама Тихоновича такие строчки: "У него была легкая походка. Это казалось невероятным для человека едва ли не двухметрового роста, с могучим разворотом плеч, с той совершенно богатырской статью, которой природа все реже наделяет людей; но в этот раз она щедра была не понапрасну — путь, который вышел Варламу Тихоновичу Шаламову, был неизмеримо тяжел, порою трагичен." И это мне тоже показалось невероятным.)

"Могучий разворот плеч" был как-то бесцеремонно отторгнут от туловища, точно поникший на стволе сдвинутый каркас переломанных ветвей, и каждое плечо ходило ходуном независимо от рук, как будто это не руки, а крылья, которые принадлежат птице, а птицу только что подстрелили. И это было видно даже при свете коридорной лампочки.

— Варлам Тихонович... — выдавил я, наконец, даже не выдавил, а скорее выдохнул — и замолчал. Я уже предчувствовал, что ничего хорошего меня в этой квартире не ожидает.

Мы прошли с ним по коридору, и, пока мы с ним шли, я обратил внимание, что из каждой щели на нас продолжают смотреть.

Он вошел в комнату первым, а я со своим нелепым магнитофоном следом за ним. Резко остановившись, он как-то неожиданно повернулся. И тут я его разглядел уже окончательно.

На Варламе Тихоновиче висело неопределенного цвета рубище, как будто на кресте; что-то вроде полотняного костюма; такие костюмы выделяет производство на похороны одиночек. Но дело даже не в костюме, а в самом лице.

Нижняя губа по отношению к верхней была смешена, а выжидательный наклон головы, словно к чему-то внимательно прислушивающейся, придавал всему лицу выражение какой-то застывшей

ревоги. Точно когда-то его свело судорогой. Да так и не отпустило.

(На фотографии в книжке Варлам Тихонович совсем не такой. Конечно, все это есть, но где-то там, внутри. А наружу лишь олько взгляд. Не то чтобы подавленный или страдальческий. А просто отрешенный. Но зато в самую душу.)

Вокруг, рассыпанные в поэтическом беспорядке, молчаливо ели листвы, наверно, черновики; откуда-то из угла кругляшами клавиш проступала пищущая машинка, а возле нее, отбрасывая тень, горела настольная лампа.

Варлам Тихонович сделал по направлению ко мне шаг и произнес:

- Вы ка-а-а мне? - при этих словах он как-то весь напрягся, и голова у него, мало того, что затряслась, еще и потянувшись вверх подбородком. И туловище снова задергалось. И даже иногда он замолчал, оно продолжало раскачиваться.

Я плохо соображал, что делаю, но чувствовал, что каждое слово куда-то меня проваливает.

- Варлам Тихонович... - снова начал я, - я на ваши стихи...

- Что?! - закричал Варлам Тихонович и приставил дрожащую ладонь к своему уху. Лицо у него в этот момент было, хоть и перекошенное, но доброе. Он, наверно, принял меня за водопроводчика с коробкой для инструмента. И только тут я окончательно понял, что, в довершение ко всему, Варлам Тихонович еще и глухой.

Так ничего и не придумав, я прокричал чуть ли не в самое ухо:

- Я на ваши стихи написал песни...

По его выпученным глазам я вдруг сообразил, что он меня слышал, а, может, он меня разобрал по губам. Лицо у него не о чтобы перекосило, оно ведь и так уже было перекошено до редела, а как-то теперь перекрутило. Он опять весь затрясся несколько раз с всё ещё дрожащей возле уха ладонью прокричал слово "что" и каждый раз всё громче и громче:

- Что? Что?! что?!! Песни??!!

И тут я почувствовал, что он уже еле сдерживается, чтобы меня не ударить.

Я втянул голову в плечи и лепеча "Варлам Тихонович... Варлам Тихонович..." стал от него пятиться.

А он рывком распахнул дверь и как-то истерически закричал:

- Только через Союз писателей!!! Только через Союз писателей!!!

Миновав коридор, мы выскочили на лестничную клетку. Он - чуть ли меня не подталкивая и кондрабая, всё продолжал выкрикивать "Только через Союз писателей!!! Только через Союз писателей!!!", а я - чуть ли не прикрыв голову руками и всё продолжая лепетать "Варлам Тихонович... Варлам Тихонович..."

Бросившись из подъезда вон, я поплылся к троллейбуснойстановке. Возле входа в продовольственный магазин мозгами юлаши. По улице Горького, все прибывая и прибывая из подземных переходов, валила толпа...

А там, наверху, где-то в стороне, среди тараканов и клопов (наверно, когда мы высакивали, снова в каждой щели затаили дыхание), остался тянуть лямку и умирать удивительный поэт и последний российский мастер короткого рассказа.

%%%oooooooooooo